

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА И. И. ПОТЕХИНА «ЗАДАЧИ БОРЬБЫ С КОСМОПОЛИТИЗМОМ В ЭТНОГРАФИИ»

22—23 марта 1949 г. на заседании Ученого Совета Института этнографии был заслушан и обсужден доклад старш. научн. сотрудника института И. И. Потехина «Задачи борьбы с буржуазным космополитизмом в этнографии»¹. Доклад вызвал большой интерес и активное участие присутствующих в его обсуждении.

Открывая заседание, директор Института проф. С. П. Толстов напомнил, что реакционная идея космополитизма является в наши дни ядовитым идеологическим оружием поджигателей новой мировой войны — американских экспансионистов — в их борьбе за мировое господство. Под флагом космополитизма пропагандируется идея единой западной культуры, противопоставляемой культуре «восточного варварства», под которым подразумеваются наша страна и страны народной демократии. Под прикрытием космополитических идей ведется замаскированная пропаганда американской «сверх-нации» — нового издания идеи «высшей расы», под знаменем которой гитлеровцы предприняли свою кровавую и бесславную попытку захватить мировое господство. Естественно поэтому чувство глубокого возмущения, охватившее советских ученых при известии о том, что в нашей стране разоблачена антипатриотическая группа театральных критиков — группа лиц, принявших на себя гнусные обязанности идеологических агентов современной реакции. Перед советскими учеными всех участков идеологического фронта, в том числе и перед представителями этнографической и антропологической науки, стоит задача беспощадной борьбы против проявлений буржуазного космополитизма, какую бы форму он ни принимал и из какого бы источника он ни исходил, задача упорного разоблачения его подлинной сущности, а вместе с тем — вскрытия тех ошибок, а иногда и систем ошибок, которые имеют место у некоторых представителей советской науки. Наряду с этим мы должны разоблачать те проявления низкопоклонства перед буржуазными авторитетами, те тенденции принижения русской, и особенно советской, науки, которые еще не вскрыты нашей критикой, и наметить программу борьбы за восстановление приоритета нашей науки в области разоблачки этнографических и антропологических проблем.

В развернувшихся по докладу И. И. Потехина прениях Н. Н. Чебоксаров остановился на связи космополитизма с расизмом. В основе расистских построений, сказал он, всегда лежит ложная идея о том, что существует какая-то «высшая» раса, «высшая» группа людей, которая по самой своей природе, по своим биологическим особенностям предназначена для господства над всем человечеством и которая одна только и создает все культурные ценности, где бы они ни проявлялись. Показав историческое развитие и классовую сущность этой космополитической расистской идеи, начиная с учения ее основоположника графа Гобино и до «теорий» идеологов германского фашизма Г. Гюнтера и других, Н. Н. Чебоксаров заострил внимание на современных англо-американских расистских построениях, представляющих собой перепев той же идейки о всемирном господстве «великой» северной расы, носителями которой объявляются теперь североамериканцы, якобы сохранившие в наибольшей чистоте отборные элементы этой расы². От влияния порочных космополитических идей несвободны и некоторые советские исследователи, сказал далее Н. Н. Чебоксаров. В качестве примеров он привел некоторые из работ, доложенных на финноугорской конференции в Ленинграде и опубликованных в сборнике «Советское финноугроведение», т. I, 1948 г. В этом сборнике помещен доклад Д. К. Зеленина «Общие элементы в древних финских и русских костюмах», в котором автор сводит существующие между финноугорскими народами и русским народом культурные связи к заимствованиям теми и другими общих элементов культуры от Западной Европы. Это не только не нашло отпора со стороны участников конференции, но и самый доклад попал в число ее «избранных работ», опубликованных в упомянутом сборнике. На той же конференции были заслушаны и другие доклады, также страдающие космополитическими ошибками, переоценкой значения заимствований, вытекающей из непонимания реакционной сущности космополитических построений, из некритического применения формально-сравнительного метода³. Приведенные примеры свидетельствуют о необходимости беспощадной борьбы с проявлениями космополитических извращений в работах советских этнографов и антропологов, о необходимости развертывания острой принципиальной критики работ зарубежных авторов, которые в огромном большинстве случаев формалистичны по методу, реакционны по содержанию, проникнуты космополитическими и расистскими идеями. Вместе с тем мы должны развернуть борьбу за приоритет русской науки, в частности заняться серьезной разработкой наследия великих русских революционных демократов — Чернышевского и других — в области антропологии и этнографии. В заключение Н. Н. Чебоксаров остановился на вопросе о границах и условиях применения сравнительного метода в этнографии.

¹ См. настоящий номер журнала, стр. 7—26.

² Подробнее см. М. Г. Левин, Я. Я. Роганский, Н. Н. Чебоксаров, *Англо-американский расизм, «Советская этнография», 1949, № 1.*

³ Подробнее см. статью Н. Н. Чебоксарова «Еще раз о некоторых вопросах изучения финноугорских народов» в настоящем номере нашего журнала.

Сравнения, сопоставления, выделение общих культурных явлений у разных народов, в особенности у народов, исторически связанных, совершенно необходимо. Но, применяя сравнительный метод, мы всегда должны помнить, что, если общие культурные явления изучаются вне связи со всей жизнью народа, то сравнения очень легко переходят в формалистический компаративизм, который в конечном счете всегда ведет к космополитизму.

М. О. Косвен привел в развитие положений докладчика несколько фактов, свидетельствующих о современном состоянии буржуазной этнографии — об отказе от конкретной этнографии и повышенном интересе американских этнографов в отношении тех народов, которые американский империализм стремится включить в сферу своего влияния. Обращаясь к вопросу об изучении истории русской этнографии как одной из важнейших задач советских ученых, М. О. Косвен указал на неисчерпаемое богатство, доставшееся нам в наследство от русской этнографической науки. В качестве примера М. О. Косвен привел русскую литературу о свадьбе у восточнославянских народов, представляющую собой богатейшее собрание, совершенно несоизмеримое с зарубежной литературой на подобные темы. В заключение М. О. Косвен остановился на ближайших задачах советской этнографии, в числе которых он назвал: 1) изучение истории русской этнографии, 2) разработку теоретических проблем, должствующих доказать приоритет и идеологическое превосходство советской этнографической науки, вооруженной великим методом марксистско-ленинско-сталинского исследования, и 3) задачу активной, воинственной, беспощадной борьбы с враждебными нам теориями в области этнографии.

В. К. Соколова привела примеры, указывающие на проявления буржуазного космополитизма в советской фольклористике. Буржуазные фольклористы доказывают наличие международных «бродячих мотивов», «сюжетных схем», переходящих от народа к народу во всем мире; они отрицают национальную специфику народной поэзии, способность трудового народа к поэтическому творчеству. У нас теоретической базой космополитических изысканий служили теории Веселовского, реакционная сущность которых в настоящее время достаточно разоблачена; однако некоторые работы, вышедшие уже в 1947—1948 гг., еще не свободны от этих влияний. Таковы, например, работа проф. Проппа о волшебной сказке и работа В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова об узбекском героическом эпосе, представляющие собой яркие образцы исследования народного творчества с враждебных нам позиций буржуазного космополитизма. В связи с приближением 150-летия со дня рождения великого русского национального поэта А. С. Пушкина, сказала далее В. К. Соколова, перед советскими фольклористами стоит задача раскрыть в полной мере тот интерес, который проявлял Пушкин к народному творчеству, выявить его гениальные высказывания в области фольклористики. Буржуазные космополиты отрицали национальный характер сказок Пушкина, изыскивали их западноевропейские или мировые источники, вопреки фактам утверждая, что Пушкин заимствовал свои сказки у братьев Гримм, у Ирвинга и т. д. Наша задача дать достойный отпор этим космополитическим бредням, показать подлинный национальный характер пушкинских сказок, раскрыть идейный смысл и всю художественную прелесть пушкинских образов.

Выступление проф. Богатырева не удовлетворило Ученый Совет. Он не сумел дать развернутой критики своих прежних ошибок, попрежнему считая, что единственным недостатком его работ является злоупотребление термином «функция», и сводя, таким образом, идейную связь его «функционально-структурального метода» с «функциональной школой» современной реакционной зарубежной этнографии к вопросу терминах.

Б. И. Богомолов посвятил свое выступление вопросам историографии фольклористики, отметив, что в разработке этих вопросов наблюдается непростительное отставание. Нередко еще наши исследователи подходят к новым проблемам и материалам с устаревшими теориями и методологией; в учебных курсах и программах еще охраняется старая схема, в соответствии с которой история русской фольклористики репрезентировалась как единая линия академической школы, по существу своему реакционной, а линия революционно-демократической, являющаяся основной в развитии нашей отечественной науки, игнорировалась. Эта концепция либерально-буржуазных историографов, которая до сих пор еще не преодолена, насквозь пропитана космополитизмом. Самое возникновение русской фольклористики трактовалось либерально-буржуазными авторами как следствие проникновения в Россию сравнительного метода Римма. Вся деятельность Белинского и других занимавшихся исследованием народного творчества отбрасывалась как якобы ненаучная. Белинский и другие революционные демократы, внесшие огромный вклад в русскую фольклористику, игнорировались, в истории нашей науки выбрасывалось как раз то, что составляло ее ценность. Между тем для революционных демократов в их работах по народному творчеству всегда была характерна борьба против космополитизма. Белинский рассматривал народную поэзию как явление глубоко национальное, присущее данному народу, противопоставляя эту точку зрения взглядам представителей официальной идеологии и полуофициального лагеря славянофилов, которые пытались стереть национальное своеобразие русского народного творчества. Уже тогда в реакционной науке зарождался тот компаративизм, который позднее стал в ней господствующим методом. Задача советских фольклористов, ведя непримиримую борьбу против буржуазного космополитизма,

создать подлинно научную историографию русской фольклористики, выявив огромную роль революционно-демократической линии ее развития.

Б. И. Шаревская привела примеры, подтверждающие тот факт, что в американо-канской этнографии идеи космополитизма используются для утверждения мирового господства американских монополистов. В этих целях американская культура выдается за высшее достижение, которому должны следовать все другие народы. Так, например, главы школы изучения современных общин Ллойд Юриер в своей книге «Американизация иммигрантов» пытается доказать, что попадающие в Америку представители различных национальностей представляют собой лишь сырье, которое предстоит перебрать «облагораживающей» переплавке в американском тигле. При этом имеет место явная фальсификация: вместо изображения действительно существующей, характерной для данного народа культуры тенденциозно подбираются отживающие черты быта, пережитки старой, отвергнутой самим народом идеологии. Этот же метод и изображения пережитков прошлого вместо современной культуры народов применял представителями англо-американского империализма и в Африке. Во многих случаях колониальные власти поддерживают консервативные элементы в культуре того или иного народа, так как им выгодно утверждать влияние той незначительной прослойки родовой или феодальной знати, которая проводит политику колониальной администрации, предавая интересы собственного народа.

В. И. Чичеров подчеркнул, что буржуазный космополитизм — характерная черта различных школ в фольклористике и этнографии. В работах Буслаева и других представителей академической школы, в том числе и Веселовского, космополитизм выявляется как один из самых ярких показателей их реакционной направленности. В обнаженном виде космополитизм предстает перед нами в теории «бродячих сюжетов», а в наши дни еще не изжитой. С этой теорией генетически связана и теория «снижения культурных ценностей», согласно которой народ творчески бесплоден, а создателями культуры являются господствующие классы. Эта теория, провозглашенная еще В. С. Миллером, а в 20-х годах нашего века получившая новую разработку в «Трудах Ганса Наумана, и до настоящего времени имеет хождение в зарубежной литературе. Достаточно назвать, например, слависта Траутмана, живущего в советской зоне Германии, который в своей недавно вышедшей книге пытается доказать аристократическое происхождение русских былин; или лорда Раглана, заявляющего, что и французские народные песни, и типы построек, бытующие в провинции, и народные танцы созданы не народом, а привиты ему господствующими классами. Подобные взгляды имеют хождение и в странах народной демократии. Недавно в Софии вышла книжка некоего Бицилли, клеветнически утверждающего, что русская литература и русский фольклор перенесены с Запада и развивались путем схождения вниз, в народ, из дворянских верхов. Мы должны особенно внимательно отнестись к отголоскам этой теории «сниженной культуры», еще встречающимся в работах наших исследователей. В. И. Чичеров указал на необходимость критического пересмотра работ в области историографии фольклористики и особенно сказковедения, где буржуазно-космополитические концепции получили особое развитие. Так, в области сказковедения одним из основных пособий до сих пор остается составленный Аарне и дополненный Андреевым, насекое проникнутый космополитизмом указатель сказочных сюжетов, в котором сказки классифицируются на основе чисто формалистического анализа. Наша задача заново пересмотреть историографию науки и дать марксистско-ленинский анализ этнографических и фольклорных материалов.

М. Я. Салманович подробно остановилась на задачах Института в отношении широкой публикации работ, заостренных против враждебных нам теорий и развязывающих основные проблемы этнографии, антропологии, фольклористики. Факты указывают на наличие враждебных влияний в странах новой демократии. Так, например, в Польше пользуются признанием работы реакционного антрополога Чекановского. Необходимо развернуть острую и углубленную критику реакционных теорий, публику критические рецензии не только в специальном этнографическом журнале, но и в общей печати. Наряду с этим необходимо широко популяризировать достижения советской науки. То и другое окажет существенную помощь и научным работникам стран народной демократии, переживающим трудный момент выработки новой идеологии. Специалисты — этнографы, фольклористы, антропологи — должны писать популярные работы для распространения в массовой печати. Большую роль в борьбе с буржуазным космополитизмом и другими реакционными теориями должно сыграть подготовляемое Институтом издание «Народы мира». Ближайшая задача Института — скорее завершить это издание и обеспечить его высокий методологический уровень.

Проф. С. А. Токарев отметил, что докладчик правильно указал на роль этнографии в борьбе против космополитизма, ибо, если последний по самому своему существу является отрицанием национальной самобытности и своеобразия, то этнография — наука, назначение которой изучать национальные особенности, выявлять их в генезисе, истории и развитии. Это не значит, что представители отдельных этнографических школ не скатывались на позиции космополитизма. На этих позициях стояли представители эволюционной школы — Тэйлор и другие, — изучавшие явления культуры в отрыве от их носителей — тех или иных народов. Еще ярче проявляется космополитизм в теории культурных кругов, в учении культурно-исторической школы. Проф. Токарев заявил далее о своем несогласии с тезисом докладчика о близкой связи между космо-

политизмом и расизмом, ибо, с точки зрения проф. Токарева, космополитизм отрицает национальные особенности, расизм же, напротив, увековечивает их, выводя их из биологических особенностей людей. Расизм, заявил проф. Токарев, был одно время главной опасностью, но для современного англо-саксонского империализма он оказался слишком слабым оружием, и идеологи современной реакции перешли к более замаскированному, но более действенному оружию — космополитизму, борьба с которым представляет собой в настоящее время важнейшую задачу.

М. Г. Левин указал, что перед советскими антропологами стоят те же задачи, что и перед этнографами, — задачи борьбы за приоритет нашей отечественной науки, борьбы со всякими проявлениями низкопоклонства перед буржуазными псевдоавторитетами, непримиримой борьбы с различными реакционными течениями и в первую очередь с расизмом, свившим себе прочное гнездо в антропологии зарубежных стран. Между космополитизмом и расизмом, безусловно, имеется тесная связь. Хотя расистские взгляды современных американских антропологов иногда искусно вуалируются, тем не менее их писания наскавозь проникнуты все теми же идеями мирового господства «высшей» расы или нации, якобы, являющейся создательницей и носительницей культуры, идеями неполноценности других народов и рас, благотворного воздействия войн на человечество, неизбежности вымирания или уничтожения отдельных народов в ходе так называемого естественного отбора и т. д. Не говоря уже об откровенно расистских писаниях типа брошюры сенатора Билбо, даже на первый взгляд невинные упражнения в расовой систематике, сухие антропологические таблицы и схемы имеют все ту же расистскую направленность, ибо авторы их призваны выполнять социальный заказ заправил Уолл-стрита. То же мы видим и в литературе других буржуазных стран. Перед советскими антропологами стоит задача разоблачения всевозможных фальсификаций, выявления их истинной сущности, их политической направленности. Расистская идеология теснейшим образом связана с общими философскими течениями в зарубежной биологии, в частности с реакционными идеалистическими постресениями вейсманизма-морганизма, сущность которого была вскрыта на августовской сессии ВАСХНИЛ. Советские антропологи обязаны беспощадно бороться со всяческими проявлениями этих метафизических, идеалистических воззрений, противопоставляя им наши взгляды, основанные на материалистической диалектике Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. В нашей антропологической литературе совершенно недостаточно рассматривалась с критических позиций вопрос о применении вариационно-статистических приемов для разработки антропологических материалов. Здесь далеко еще не преодолено влияние английской школы биометриков, выросшей из махистской концепции крайнего реакционера Пирсона, так ярко разоблаченного В. И. Лениным. В полной мере стоит перед советскими антропологами задача разработки истории русской антропологии, опровержения распространенного в буржуазной литературе взгляда, будто русская антропология лишь усваивала достижения зарубежной науки. Мы должны показать приоритет русской антропологии, которая на протяжении всей своей истории выступала как носительница наиболее передовых идей в антропологической науке. Достаточно вспомнить работы Чернышевского, специально посвященные вопросам антропологии, до сих пор не получившие у нас полного освещения. Необходимо также приняться за составление нового учебника по антропологии, в котором все вопросы были бы разработаны с марксистских материалистических позиций. Необходимо дать серию популярных работ по антропологии, в которых были бы с наших позиций разъяснены актуальные вопросы антропологической науки и дан достойный отпор всякого рода расистским теориям.

После заключительного слова докладчика С. П. Толстов подвел итоги обсуждения. Он отметил огромный интерес, вызванный докладом И. И. Потехина, вскрывшего исторические корни космополитизма в этнографии, показавшего различные его проявления и поставившего перед советскими учеными ряд актуальнейших задач. Проф. Толстов остановился далее на отдельных вопросах, вызвавших полемику. Неправ С. А. Токарев, считая космополитизм и расизм противоположными явлениями. Нельзя ставить знак равенства между немецким расизмом и современным американским космополитизмом, но нельзя и противопоставлять их, ибо это лишь разные проявления одной и той же идеологии воинствующего империализма, претендующего на господство над всем остальным миром. Проявления буржуазного космополитизма в нашей стране мы рассматриваем как порой невольное, а порой и целеустремленное смыкание с агентурой англо-американского империализма. Они выражаются в низкопоклонстве перед западной культурой, в национальном нигилизме по отношению к нашему народу, в отрицании тех высоких достижений, которые имела в прошлом русская культура и которыми еще больше вправе гордиться наша советская страна. Американские космополиты утверждают, что в США перешел центр мировой цивилизации, к которой должны примкнуть все народы, что эта мировая, панэйкуменальная, по выражению Кробера, культура охватывает весь мир и всем остальным народам предстоит ей подчиниться. В Западной Европе космополитизм тоже в ряде случаев проявляется в форме низкопоклонства перед этой «квинт-эссенцией западной цивилизации», каковой якобы является культура США. Если германские расисты строили свои теории, исходя из биологического сходства или различия, то американские космополиты строят такую же по существу расистскую концепцию на основе психологического, культурного родства. Существуют различные каналы, по которым яд космополитизма протаскивается

в народные массы. Так, например, в отношении народов Средней Азии и Закавказья растленная идеология космополитизма проявляется в идеях пантюркизма, паниранизма, панисламизма, в пропаганде единства мусульманской культуры, в лишении народов, в первую очередь Советского Востока, их национального своеобразия. Подобное же проявление космополитизма в форме панфиннизма мы усматриваем в союзе в Ленинграде в 1947 г. научной конференции по финноугорским народам и издании специального сборника трудов по советскому финноугроведению. Советского финноугроведения, как единой комплексной науки, не может быть; финноугорские народы связаны лишь некоторой, довольно отдаленной общностью языка. Еще Н. Я. Марр указал, что степень близости финноугорских народов меньше, чем индоевропейских, — ж никоим в голову не пришло бы созывать конференцию по комплексному изучению индоевропейских народов. Естественно, что советская общественность финноугорских народов была возмущена тенденцией создать такую комплексную финноугорскую науку, идущую, с одной стороны, по пути выхолащивания культуры каждого отдельного народа, а с другой, — по пути искусственного соединения их в какую-то финноугорскую общность, противопоставляемую не только в лингвистическом, но и в историческом и культурном отношении русскому и другим народам СССР. На этой конференции был заслушан насквозь космополитический доклад Д. К. Зеленина, и этот факт, как и представление бывшим докторантом Института Барагом проэникнутой космополитизмом диссертации, требует нашего особенно пристального внимания, ибо здесь дело касается непосредственно кадров самого Института. Присутствующих здесь не удовлетворило выступление П. Г. Богатырева, — бывшего, кстати сказать, научным руководителем Барага, — ибо проф. Богатырев склонен свести свои ошибки к порою ной терминологии. Мы вправе требовать от советского ученого, чтобы он до конца продумал свои ошибки и откровенно заявил о них, тем более, когда они связываются с реакционной школой функционализма, представляющего собой серьезную опасность поскольку она пользуется некоторым влиянием среди части этнографов стран народной демократии. Проявления функционализма имеют место и в Польше, и в Чехословакии, и патристический долг П. Г. Богатырева требовал бы от него до конца облачить реакционную сущность этой школы, а не маскировать свою идейную связь с ней фразами о терминологии. В заключение С. П. Толстов поддержал выдвинутое докладчиком предложение о создании в Институте научной комиссии по истории русской этнографии и указал на необходимость в планах на ближайшие годы предусмотреть развертывание работы по историкоэтнографии.

* * *

4 апреля И. И. Потехин повторил свой доклад на общем собрании коллектива сотрудников ленинградской части Института; в собрании приняли участие многие этнографы Ленинграда. Выступавшие в прениях подвергли критическому анализу буржуазно-космополитические, объективистские, компаративистские ошибки, имеющие место в работах некоторых советских этнографов и фольклористов.

Указав на наличие ошибок компаративистского характера в своих ранних работах, С. М. Абрамзон отметил, что многие советские этнографы, стоявшие на ошибочных позициях, отдавали дань укоренившимся буржуазным взглядам, порою апологетически воспринимая воззрения своих учителей Богораза, Штернберга, Кагарова и других. Хотя у Л. Я. Штернберга имеются прекрасные работы, в которых он проводил материалистические взгляды, тем не менее в ряде его трудов нашли отражение вредные буржуазные теории, в частности, — теории космополитического характера. Наиболее ярким проводником космополитической идеологии С. М. Абрамзон считает Е. Г. Кагарова, который в своих работах, и особенно в библиографических обзорах, иногда под видом критики буржуазной литературы, проповедывал преклонение перед буржуазным Западом. Принижая значение этнографии вообще, и особенно советской этнографии, он конструировал «новую» теорию об «этнических формациях». Этнографию Кагаров определял как науку о морфологии и культуре человеческого сообщества, под которым он подразумевал первобытные народы и некоторые слои народов близких к первобытности. Реакционность этих построений ясна. Увод этнографов в сторону изучения первобытности долгое время довел над работниками Института в тот период, когда его возглавлял академик В. В. Струве, и позднее, при И. Н. Винокове, продолжающем и по сие время оставаться при своих взглядах. Говоря о серьезных космополитических ошибках Д. К. Зеленина, С. М. Абрамзон подчеркнул, что они не единичны, а представляют собой систему взглядов. В работах Д. К. Зеленина культура русского народа представлена как сплошное заимствование то из Рима и Византии, то от финнов, то с Запада вообще. Примечательно, что единственный сводный труд по этнографии русских изпечатан Д. К. Зелениным на немецком языке. Сама систематизация восточных славян в этой работе более чем сомнительна; культура же их даже в мелочах, с точки зрения автора, не самобытна. Космополитической и буржуазно-объективистской является и серия библиографических обзоров Д. К. Зеленина. Наша задача объявить жесточайшую борьбу всей системе ошибочных взглядов Зеленина.

М. А. Сергеев в своем выступлении остановился на глубоко ошибочных попытках представить марксистами В. Г. Богораза и Л. Я. Штернберга. Говоря о глубоко, еще не изжитом влиянии этих исследователей на советских этнографов,

М. А. Сергеев вместе с тем отметил, что ими дан ряд весьма ценных работ по конкретным вопросам этнографии народов Амура и Сибири. Это отнюдь не значит, что в области теоретических построений и методологии они в какой-либо мере являются для нас авторитетами. Существует распространенная точка зрения, что к концу своей жизни В. Г. Богораз совершил поворот к марксизму, что у него следует учиться молодым этнографам. Это совершенно неверно. В своем докладе в Коммунистической Академии по вопросу о марксистском методе в этнографии и в последующих работах (о классовом расхождении чукчей-оленьеводов и др.) он дал лишь яркие образцы грубого, вульгарного материализма, игнорируя сущность диалектики общественных явлений. Глубоко идеалистичны и воззрения Л. Я. Штернберга. Так, по его мнению, гилляки живут, руководимые «родовым духом». Давая прекрасную картину пережитков, Л. Я. Штернберг объяснил их наличие верой в духов, боязнь их обидеть. Рассматривая проникновение на север русских, В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберг видели в нем только глосное завоевание, грубую силу, покорявшую слабых, — не давая ни одного примера мирного сожительства, дружественных отношений русских с местными народностями, глубоко искажая политическую историю народов севера. Живя в эпоху Энгельса, Ленина, Богораз и Штернберг прошли мимо марксизма. Мы обязаны сейчас подойти к их трудам критически и сказать ясно: да, материал их ценен, но метод порочен и остался таким до конца.

Д. А. Ольдерогге указал на исключительную важность стоящей перед коллективом Института задачи подготовки сводного труда по истории зарубежной и еще в большей мере русской этнографии. Подбирая материалы для такой работы, сказал Д. А. Ольдерогге, «я сначала относился к зарубежным этнографам как к коллегам; однако уже с первых моментов моей работы такое отношение пришлось отбросить. Особо показателен журнал «American Anthropologist», являющийся боевым органом Уолл-стрита». Далее Д. А. Ольдерогге отметил слабое вовлечение в критическую работу сотрудников сектора Сибири и Востока, хотя эта работа была бы очень полезна и для их личных изысканий, порой отражающих вреднейшие построения культурно-исторической школы и других реакционных течений в этнографии, проникавших к нам через посредство В. Г. Богораз, известного неустойчивостью своих взглядов. Влияние Богораз и Штернберга — явление чрезвычайно порочное, требующее решительного преодоления.

С. В. Иванов, отметив своевременность постановки вопроса и ценность доклада, говорил о практических выводах в плане пересмотра готовой и подготовляемой научной продукции Института с тем, чтобы изжить и предупредить возможные космополитические, компаративистские, формалистические ошибки. Наша наука, сказал С. В. Иванов, за 30 лет прошла большой путь. Отошел в прошлое тип кабинетного ученого, аполитичного, проповедующего служение «чистой науке» как «искусству для искусства». Преодоление этой аполитичности, политической отсталости давалось не легко. Многим казалось, что изучаемые явления — это одно, а острые политические проблемы — другое. Даже овладевая марксистским методом, мы зачастую работали в отрыве от жизни, над темами весьма малой актуальности. Становление колхозного строя, социалистическое переустройство советской Средней Азии и Сибири открыли нам новые широкие перспективы служения народу. К стыду многих этнографов следует сказать, что не они шли в ногу с жизнью, а жизнь пришла к ним и вовлекла их в общий ход событий.

К. А. Четкарев говорил о компаративистских ошибках и вредном влиянии на молодых фольклористов чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунского, М. К. Азадовского и других. Остановившись на примере докладчика относительно докторской диссертации Барага, К. А. Четкарев подчеркнул, что вина и всего коллектива Института, и Ученого Совета в том, что этот искатель «мировых сюжетов» подвизался в Институте в течение нескольких лет.

Аспирант Института т. Нуров свое выступление посвятил критике ошибок С. М. Абрамзона. Приводя цитаты из «Счерков культуры киргизского народа» (1946 г.) Г. Нуров заявил, что в представлении С. М. Абрамзона «киргизская культура состоит из лоскутков и не имеет национальной основы». Переоценивая заимствования с Востока и Запада, С. М. Абрамзон, по мнению Г. Нурова, сводит влияние русской культуры к посреднической роли или к мелочам вроде побелки стен, применения занавесей и т. п. В работе С. М. Абрамзона имеет место и переоценка роли ислама, идеализация старины, провозглашение эпоса «Манас» могучим родником, питающим киргизскую художественную литературу. Духовная культура киргизского народа рассматривается С. М. Абрамзоном с позиций теории единого потока, а взаимоотношения между великим русским и киргизским народами изображаются только как отношения колонизаторов и колонизуемых. Резюмируя, т. Нуров заявил, что он считает эту работу С. М. Абрамзона в ряде мест ошибочной и в целом вредной. Однако ряд выступавших и докладчик в заключительном слове отметили необоснованность этой критики. Приводившиеся Г. Нуровым цитаты выхватывались им из общего контекста. Освещение этногенеза киргизского народа, в состав которого вошли различные народности и племена древности и раннего средневековья, было принято т. Нуровым за проповедь заимствований.

М. А. Каплан говорила о стойкости вредных влияний теоретических взглядов

В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберга даже на третье поколение этнографов, в результате чего она в своей работе о нанайской сказке была склонна рассматривать процесс сложения сказок как процесс, восходящий к мифотворчеству.

Г. Г. Стратанович привел материалы, показывающие прислужническую роль английской этнографии, в полной мере проявившуюся, например, в плане создания практического руководства по колониальной политике в странах Востока. Говоря о вредоносности космополитизма, т. Стратанович на примерах одной из диссертаций и постановки преподавания на кафедре этнографии Ленинградского гос. университета показал, что благодушное отношение к космополитизму является часто не менее порочным, чем сам космополитизм.

К. Л. Задыхина указала на ту широчайшую перспективу, которая открылась перед этнографами изучением социалистической современности. Плодотворность и огромную значимость этой работы продемонстрировала недавно прошедшая в Москве сессия, посвященная изучению культуры и быта национальных колхозов Советского Союза.

В своем выступлении М. Г. Левин убедительно показал процесс деградации зарубежной антропологии. Зарубежный книжный рынок заполнен реакционной расистской, по существу фашистской, литературой, теснейшим образом связанной с космополитизмом — этой идеологией американского империализма. Борьба против космополитизма, как и борьба против всяческих извращений в нашей науке, не кратковременная кампания, это задача нашей повседневной деятельности. Нередко недостаточно критическое отношение к работам зарубежных авторов снижает ценность трудов наших исследователей. Так, С. И. Руденко в своей работе, посвященной эскимосской проблеме, некритически принял схемы американских археологов (Коллинза, Рейни и др.) и вследствие этого неправильно осветил целый ряд вопросов. Между тем на основе этой работы экспонирована вводная часть выставки Музея антропологии и этнографии — «Северная Америка»; эту экспозицию следует пересмотреть и переделать.

Н. А. Кисляков заявил, что выступавшие недостаточно касались основной проблемы дня — борьбы с космополитизмом, которым грешили не только В. Г. Богораз, но и многие другие, например А. М. Золотарев. Н. А. Кисляков отметил значительные заслуги М. О. Косвена в показе незаслуженно забытых русских ученых (Добрякова, Шашкова и др.).

С большим интересом собравшиеся выслушали выступление молодого чешского этнографа Нагодила. Он дал характеристику той идейной борьбы, которая развернулась в настоящее время среди этнографов Чехословакии, и отметил рост влияния марксистского направления в чехословацкой этнографической науке.

Л. П. Потапов свое выступление посвятил выяснению корней тех формалистических, объективистских и космополитических ошибок, которые имеют место у части советских этнографов. Это — тлетворное влияние Западной Европы и Америки, того капиталистического окружения, в котором находятся СССР и страны народной демократии. Проводниками этого влияния были В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберг, учителя многих из присутствующих. До сих пор нет ни одной попытки разбора их философских взглядов, концепций, идейно-теоретических основ. Если о В. Г. Богоразе часто говорят как о человеке, теоретически крайне неустойчивом, то Л. Я. Штернберг постоянно характеризуется как человек твердых воззрений. Штернберг как этнограф, полезный исследователь хорошо известен: ценности его работ этого типа умалить не следует. Но есть и другой Штернберг, читавший лекции молодежи, в которых заявлял, что марксизм неприемлем, что это «одностороннее учение». В статье «Современная этнология» он с удовлетворением отмечал: «та же Америка готовит для нас, русских, сводный труд по этнографии азиатской части РСФСР». С подлинным буржуазным объективизмом он приводил в качестве новейших достижений, будащих научную мысль, различные буржуазные теории — от Гребнера до Малиновского, ставя последнего на одну доску с гордостью русской науки Миклухо-Маклаем. И лишь одну страничку он счел возможным уделить отечественной этнографической науке, да и то с тем, чтобы упрекнуть ее в отсутствии глубины. Наша задача, подчеркнул Л. П. Потапов, состоит в развенчании культа Штернберга и Богораз, еще встречающегося у ряда этнографов и расцветшего махровым цветом на кафедре этнографии Ленинградского университета. Как на одну из основных причин ошибок Л. П. Потапов указал на недостаточное, неглубокое овладение марксистско-ленинской теорией рядом этнографов, особенно старой школы.

Ряд выступавших (Л. П. Потапов, С. В. Иванов, Д. А. Ольдерогге, К. Л. Задыхина, Г. Г. Стратанович, Н. А. Кисляков, С. М. Абрамзон) останавливались на положении с преподаванием этнографии в Ленинградском университете. Наиболее детальным и ярким было выступление доцента М. С. Долгоносовой. На ряде примеров она показала, что, несмотря на признание Министерством высшего образования непригодными программ кафедры этнографии ЛГУ, здесь попрежнему царит культ Штернберга и Богораз. Преподавание ведется в полном отрыве от социалистической действительности. На кафедре открыто и апологетически пропагандируются реакционнейшие представители современной американской этнографии. Руководитель кафедры проф. И. Н. Винников апологетически преподносит взгляды реакционера Дьюи («Ум первобытного человека»), единственным критическим замечанием по адресу которого было указание на то, что это реакционный ученый. Курсом «Введение в этнографию»

студенты уже с первого года обучения дезориентируются. Им внушается представление об этнографии как о науке, обращенной в прошлое, — науке о пережитках. Советская этнографическая наука для кафедры этнографии ЛГУ не существует. Такое положение более совершенно нетерпимо и требует срочного изменения.

Отвечая в заключительном слове на вопросы, поставленные в отдельных выступлениях, И. И. Потехин еще раз подчеркнул, что аполитичность, буржуазный объективизм, компартистизм — проявления враждебной нам идеологии. Многие ошибки, допускаемые в трактовке этнографических явлений, связаны с формальным, недостаточно глубоким пониманием принципа партийности в науке. Об этом говорит благодушное отношение к проявлениям космополитизма, к совершенно нетерпимому положению на кафедре этнографии ЛГУ, недостаток мужества в борьбе с этими вредными явлениями у преподавателей кафедры — членов коллектива Института этнографии (Иванов, Попов). Нужно твердо знать, что партийность в науке означает подлинную объективность и научность. Помня нашу ответственность перед родиной, мы должны беспощадно бороться с различными ошибочными концепциями.

Закрывая заседание, С. П. Толстов подчеркнул, что путь к преодолению вскрытых ошибок лежит прежде всего в углубленном изучении и освоении марксизма-ленинизма. Среди этнографов старой школы раздавались голоса об отмирании этнографии, о затухании интереса к ней и т. п. Жизнь опровергла эти утверждения. Последние наши работы в области изучения социалистической культуры и быта народов СССР, в области изучения современного толжения народов колониальных и полуколониальных стран ярко показали жизненность и политическую значимость нашей науки.

В принятые по докладу И. И. Потехина резолюции включен ряд конкретных предложений (о скорейшем создании научной истории русской этнографии антропологии и фольклористики, об активизации теоретической работы в этих областях науки, об окончании в текущем году многотомника «Народы мира», об оказании всемерной помощи прогрессивной части этнографов стран народной демократии в их борьбе против реакционных течений, за утверждение принципов советской этнографии и др.).

О. Корбе, Г. Стратанович

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ «УЗБЕКСКИЙ НАРОДНЫЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС»

16 ноября 1948 г. на совместном заседании секторов фольклора и Средней Азии Института этнографии состоялось обсуждение книги В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова «Узбекский народный героический эпос». С докладом выступила В. К. Соколова, указавшая, что книга Жирмунского и Зарифова должна быть решительно осуждена, так как она содержит активную пропаганду враждебного марксизму компартистского метода. Узбекский народный эпос авторы рассматривают с позиций буржуазного космополитизма; они нагромождают множество параллелей из героического и сказочного эпоса восточных и европейских народов, и в этом хаотическом нагромождении обломков эпоса всех времен и народов совершенно тонет идейное содержание и национальное своеобразие узбекского героического эпоса. Действительной конкретной истории развития узбекского эпоса, теснейшим образом связанной с историей узбекского народа, анализа его идей и образов в книге нет, реальное историческое содержание народного эпоса полностью игнорируется. Схематизм и антиисторизм, идущие от концепции А. Н. Веселовского, пронизывают всю книгу. В итоге у читателя создается совершенно извращенное представление, — что различные произведения узбекского эпоса лишь случайные вариации одних и тех же пресловутых «бродячих мотивов» и «сюжетных схем» или же перепевы сюжетов персидской средневековой литературы.

В обсуждении книги приняли участие научные сотрудники Института этнографии и других учреждений.

Т. А. Жданко в своем выступлении отметила, что книга В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова, как попытка исследования двумя крупными специалистами национального героического эпоса узбеков во всем его своеобразии, была встречена этнографами с большим интересом. Эпос — богатейший источник для изучения истории культуры, быта, мировоззрения создавшего его народа. Книге предпослано содержательное введение, в котором авторы освещают историю узбекского эпоса в тесной связи с этногенезом узбекского народа и характеризуют огромную собирательскую работу, проведенную фольклористами в Узбекистане после Великой Октябрьской социалистической революции. Очень интересна для этнографов первая глава книги — об узбекских народных сказителях; жаль только, что в ней отсутствует описание обстановки, в которой происходят в настоящее время выступления народных бахши и шаиров (на колхозных и семейных праздниках и т. д.). Основные же главы книги не могут удовлетворить читателя. Обширная глава «Эпический репертуар» представляет собой перечень произведений узбекского эпоса в форме краткого сухого конспекта каждого произведения, не дающего представления о богатстве и национальном